

Элиан Вейлор

«ТЕНЬ
СЕРЕБРЯНОГО
ЛЕСА»

18+

Элиан Вейлор
«Тень Серебряного Леса»

«Автор»

2026

Вейлор Э.

«Тень Серебряного Леса» / Э. Вейлор — «Автор», 2026

В мире, где магия струится тремя потоками — светлым, тёмным и диким — последняя из рода Серебрянолистных, эльфийка Элиандра Ветрокрад, «Призрак с острыми когтями», обречена на выбор, что определит судьбу Элариона. Десять лет она вырывала из лап короля-тирана награбленное у её народа. Ныне её добыча — не золото, а древнее «Сердце Леса», ключ к пробуждению Вор'Талоса, бога Равновесия. По следу артефакта идут трое: фанатичный рыцарь, изворотливый тёмный маг-учёный и следопыт-полукровка, хранящий тайну её семьи. Элиандре предстоит узнать правду о гибели своего клана, собрать семь фрагментов вековой печати и решить: вновь заточить бога тьмы или даровать ему свободу, став первой Тёмной Хранительницей — живым мостом между светом и бездной.

© Вейлор Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Предвестник Сумрака: Путь Похитительницы	7
Глава 1: «Багрянец на лунных травах»	8
Глава 2: «Завершающее хищение в закоулках Тления»	11
Глава 3: «Реликвия с взором огнедышащего змея»	14
Глава 4: «Гончий в покрове из чёрных вороньих перьев»	19
Глава 5: «Стремительный исход сквозь Плачущие Топи»	24
II. Зов Крови: Эхо Давних Времён	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Элиан Вейлор «Тень Серебряного Леса»

Погрузитесь в царство, где колдовство струится тремя могучими потоками – светлым, мрачным и первозданно-диким. Здесь, последняя наследница древнего клана Серебрянолистных вынуждена принять судьбоносное решение, от которого зависит не что иное, как участь всего обширного континента Эларион.

Элиандра Ветрокрад, прозванная «Призраком с острыми когтями», вот уже целое десятилетие возвращает то, что жестокий король-тиран похитил у её многострадального народа. Но однажды её добычей становится не блеск золота, а древняя, окутанная тайной реликвия – «Сердце Леса», заветный ключ к пробуждению могущественного божества Равновесия, Вор'Талоса.

За этим артефактом, способным перевернуть мироздание, охотятся трое: фанатичный паладин, одержимый своими идеалами; хитрый чернокнижник-исследователь, что черпает знания из запретных глубин; и загадочный следопыт-полукровка, хранящий сокровенную тайну её семьи. Элиандре предстоит не только раскрыть истину о трагической гибели её рода, но и собрать семь осколков старинной печати. Ей выпадет выбор: вновь заточить бога тьмы в его вечной темнице или же даровать ему свободу, став при этом первой в истории Тёмной Хранительницей – живым мостом, соединяющим сияние света и бескрайний сумрак.

НОЧЬ КРОВАВОЙ ЛУНЫ

Селена, вечная дева неба, не должна была обагряться алым. Три тысячелетия её безмятежный лик взирал на Эларион, сияя, словно зеркало самой судьбы. Но в ту роковую ночь небесный свод раскололся. Багровая пелена, будто свежая рана на живой плоти, расплылась по её сияющему диску. И в тот миг Серебрянолистые эльфы всем сердцем осознали: хрупкое равновесие мироздания рухнуло безвозвратно.

Под сводами Храма Дышащих Стен триста двенадцать жрецов сомкнули мистический круг. Стены святилища отзывались на каждый удар их сердец, пульсируя медленно, тяжело, словно предсмертные конвульсии умирающего исполина. В самом его средоточии возвышалась Аэлия, верховная жрица, бережно прижимая к груди младенца с волосами цвета лунного серебра. Её лик хранил обманчивое спокойствие. Лишь глаза – бездонно-изумрудные, точь-в-точь как у её дитя – безмолвно кричали о горькой истине: она не доживёт до утренней зари.

– Вор'Талос не ненавистный враг, – прошептала она, обращаясь к древнему камню под ногами, к самой сути земли. – Он – открытая язва мироздания. И язву нельзя просто уничтожить. Её можно лишь исцелить или навеки запечатать.

Копьё Раздора, что король Альдер вонзил в быющее сердце векового леса, разорвало саму ткань мировых потоков магии. Свет, Тьма, Жизнь – всё это смешалось в невообразимом хаосе, порождая и поглощая тысячу миров в каждое мгновение. Вор'Талос, сам Бог Равновесия, поглощённый собственным страданием, рухнул в небытие. Его предсмертный стон был неуловим для обычного слуха – он разрывал саму суть реальности изнутри.

– Мы запечатываем тебя не из слепой ненависти, – запела Аэлия, и её голос, чистый и сильный, сплелся в единый хор с пением трёхсот одиннадцати других. – Мы лишь желаем остановить твою нескончаемую боль. Прости нас за эту жестокую милость.

Ритуал Последнего Дара, жертвенный и необратимый, обрёл своё начало. Эльфы не пали, пронзённые клинками. Они начали растворяться, превращаясь в чистый свет. Их телесные оболочки сначала истаяли, обернувшись серебристым сиянием, что впиталось в древние камни храма. Затем – их голоса, обретшие новую форму шепота ветра среди крон вековых деревьев. После – их воспоминания, навеки вплетённые в крепкую кору лунодубов. Последней в небытие ушла Аэлия. Но прежде чем её бессмертная душа окончательно покинула этот мир, она поделила могущественную печать на семь священных фрагментов. Последний из них – Сердце Леса, вырезанное из самого сердца алтаря и наполненное эхом её собственной души – она бережно вложила в колыбель своей дочери.

– Элиандраэль, – прошептала она, касаясь губами высокого лба младенца. – Не поддавайся жажде мести. Не погружайся в бездну скорби. Сделай выбор. Когда настанет час – выбери не между сияющим светом и крошечной тьмой. Выбери истинное равновесие.

С первыми лучами рассвета королевские солдаты штурмом взяли священные руины храма. Их взору предстал лишь мерцающий нежным светом пепел да горько плачущий младенец посреди порушенных стен. Капитан Гаррет, с наглой усмешкой, сорвал таинственный амулет с крошечной шейки ребёнка и, будто дешёвый трофей, повесил себе на грудь. Он и помыслить не мог: камень уже давно избрал свою истинную хозяйку. И терпеливо ждал. Долгих тридцать лет он выжидал своего часа.

Тридцать долгих лет прах Серебряного Леса безмолвно развеивался по ветру. Тридцать лет людские города поднимались, возводимые на истлевших костях эльфийского народа. Тридцать лет Вор'Талос, скованный в своей сияющей тюрьме из света, издавал глухие стоны, а могущественная печать, державшая его, медленно давала трещины, подобно льду под натиском весеннего солнца.

И вот теперь, когда последние песчинки Песочных Часов Судьбы почти достигли своей кульминации, когда семь разрозненных фрагментов начинают неистово звать друг друга сквозь просторы континента, когда безмолвствуют даже боги, а демоны едва слышно шепчут в сгущающихся тенях – последняя дочь Серебрянолистых пробуждается. Она не ведает своего полного имени, позабыла черты материнского лица, не преклоняет колен перед божествами. Но в её жилах бурлит древняя кровь жриц. На её груди отбивает свой ритм Сердце Леса. И в её крепких руках – два обоюдоострых кинжала, жаждущих вспороть саму ткань реальности.

Её имя – Элиандра Ветрокрад.

И она вернулась, чтобы отвоевать то, что по праву принадлежит эльфийскому народу.

I. Предвестник Сумрака: Путь Похитительницы

- > «Не враждует тень со светом. Нет.
- > Тень – это его отражение, его древняя память, запечатлённая в глубине.
- > И лишь тот, кто постигнет искусство быть незаметным, кто умеет скрыться в сумраке,
 - > тому суждено в свой час вспыхнуть и стать озарением для других душ».
 - > – Аэлия, главная жрица Серебрянолистого народа,
 - > последние слова, произнесённые перед Таинством.

Глава 1: «Багрянец на лунных травах»

Луна-Селена парила над Серебряным Лесом, словно осколок разбитого серебра, её лик искрился в мельчайших росинках на бархатных листьях лунных дубов. Элиандра застыла на могучей ветви векового дерева, пальцы, подобно когтям, впились в шершавую кору, словно вглядываясь в её собственное отражение – острые скулы, серебристые пряди волос, изумрудные очи, лишённые покоя, где застыла вечная бессонница. Вот уже десять лет забвение сна не касалось её. Каждая из этих десяти ночей несла с собой неизменный кошмар: жаркое пламя, пронзительные крики, и образ матери, тающий в едком дыму.

Под ней, на поляне, костёр жадно трещал, бросая огненные брызги в бархатное покрывало ночного неба. Пятеро наёмников короля Альдера наслаждались терпким вином из грубых глиняных кубков и делили добычу – позолоченные браслеты, испещренные эльфийскими рунами, варварски вырванные из склепов её прародителей. Один из них, дородный детина со зловещим шрамом, рассекающим нос, поднял к свету амулет с лунным камнем и раскатисто расхохотался, являя щербатый ряд почерневших зубов:

– Слышал, эти уши кричали, когда мы ломали им позвоночники? Говорят, их кости поют даже в пепле. Хотел бы я услышать этот концерт.

Элиандра оставалась неподвижной. Не дрогнула ни единым мускулом. Лишь правая длань неуловимо скользнула к поясу, где в ножнах из змеиной кожи ждали своего часа два верных кинжала – «Шёпот» с рукоятью из лунного камня и «Молчание» с клинком из метеоритного железа. Она вспомнила мудрые слова матери, что та прошептала в ту роковую ночь: «Сила эльфийки не в ярости, а в безграничном терпении. Истинный удар наносится тогда, когда враг и вовсе позабудет о твоём существовании».

Она бросилась.

Не было ни крика, ни даже тени, лишь легчайший шорох. Она растворилась среди серебристых бликов на траве, её движения – текучие, как дымка над угасающим костром. Первый наемник рухнул замертво, так и не успев сделать вдох. Кинжал «Шёпот» беззвучно вонзился под рёбра и вышел у ключицы – ни единого стога, ни капли пролитой крови. Второй обернулся – и увидел лишь отражение собственных глаз в её изумрудах, прежде чем «Молчание» перерезало ему горло тонкой, почти нежной линией.

Третий поспешно выхватил топор. Но Элиандра уже не маячила перед ним; она возникла позади, левой рукой сдавливая горло, правой вонзая кинжал прямо в почку. Он захлебывался хрипом, отчаянно царапая её руки, но эльфийская плоть оказалась неуязвимой, тверже закалённой стали. Четвёртый, объятый паникой, ринулся прочь, его сапоги сочно хлюпали по влажной росе. Она позволила ему сделать семь шагов – семь шагов первобытного страха, семь шагов призрачной надежды. Восьмой стал последним – стрела из лука, предусмотрительно спрятанного в развилке дерева час назад, пробила ему колено. Он рухнул на серебристую траву, и та тотчас же жадно впитала алую влагу, побледнев до мертвенно-серого оттенка, словно отравленная.

Пятый, предводитель отряда, чьё лицо было испещрено бесчисленными шрамами былых сражений, застыл, обнажив свой меч. На его шее висел амулет: кусок чёрного камня с прожилками, пульсирующими тусклым светом, словно сердце, бьющееся глубоко под землёй.

– Ты та самая, – прохрипел он, сжимая рукоять меча до побелевших костяшек. – Призрак, что скользит в ночи. Король назначил за твою голову вес твоего тела в чистом золоте.

Элиандра улыбнулась. Улыбка без тепла, без обещаний – лишь изгиб губ, острый, как лезвие кинжала.

– А за твою голову? – спросила она, едва заметно кивнув на амулет. – Что стоит этот кусок Сердца Леса?

Капитан заметно вздрогнул. Он и не подозревал истинной ценности своей находки. Всего лишь три дня назад он отыскал этот обломок в руинах Лунной Песни и бездумно повесил на шею, посчитав талисманом удачи. Его пальцы судорожно сжали холодный камень.

– Это просто камень, эльфийская дрянь...

– Для тебя – лишь ничтожная дрянь. Для меня же – священная память. – Элиандра шагнула вперёд, словно хищница. – Ты осквернял могилы моего народа. Ты пил вино из поруганных черепов моих предков. И теперь, осквернитель, ты носишь на своей шее сердце моей матери.

Капитан попятился. Его хваленая уверенность треснула, словно хрупкий лёд под его же ступнями.

Элиандра не оставила ему ни единого шанса опомниться. Два стремительных шага – и её каблук сокрушил запястье, державшее меч. Три – и колено впилось в пах. Четыре – и она возвышалась над поверженным врагом, вырывая амулет из его ослабевших пальцев. Камень бился живой пульсацией в её ладони. Горячий. Дышащий. И впервые за десятилетие – с тех самых пор, как пепел поглотил её род – Элиандра ощутила нечто, похожее на призыв.

Не голос. Не отчётливая мысль. Лишь мощная тяга – вглубь вековых лесов, к заброшенным руинам храма, где её мать некогда пела древние заклинания под сиянием звёзд. Но также – на запад, к шумным людским городам. Камень неумолимо влёл её туда, где обитали те, кто стёр с лица земли её народ.

Капитан, заливаясь кровью, полз к своему мечу, оставляя багровый след на траве. Элиандра не удостоила его смерти. Она оставила его в живых – лишь для того, чтобы тот донёс весть королю.

– Передай ему, – прошептала она, растворяясь среди вековых деревьев, словно тень увядшего листа, – что Призрак вернулся. И он заберёт всё, что принадлежит эльфам по праву.

Позднее, у тихих вод Ручья Забытых Слез, она вглядывалась в амулет под мерцающим светом звёзд. Вода напевала старинную мелодию, которую эльфийские дети распевали ещё три

столетия назад. Камень пульсировал в унисон с её собственным сердцем, но порой – в противофазе, словно пробуждалось второе, древнее сердце, дремлющее глубоко внутри. И впервые за минувшие десять лет она произнесла вслух имя, погребённое глубоко в её памяти, имя, что когда-то шептали с благоговением в стенах Храма Дышащих Стен:

– Вор'Талос...

Камень вспыхнул багровым пламенем. На серебристую траву у её босых ног упала капля крови – её собственной, из внезапно появившегося пореза на ладони. Трава не впитала её. Напротив, она оттолкнула алую влагу, её листья судорожно скрутились, словно от смертельного яда, опалённые и осквернённые.

Взгляд Элиандры устремился на запад. Там, за чередой пологих холмов, притаился Камнеград – город-призрак, воздвигнутый на прахе её предков. Если древний амулет манил её именно туда, значит, искомые ответы таились где-то среди его безмолвных камней. Она бережно укрыла мерцающий оберег за пазухой, чувствуя его живое тепло у самого сердца, и решительно направилась к тракту, что вёл в земли смертных. Грядущая ночь обещала быть долгой и мучительной, а восход солнца не сулил ей желанного умиротворения. Ибо покой, истинное упокоение, был уделом лишь тех немногих, кто не лишился своего крова, кто ещё имел, куда вернуться.

Глава 2: «Завершающее хищение в закоулках Тления»

Три долгих дня Элиандра пробиралась к Камнеграду, укрываясь в сумраке лесных чащоб и глубоких оврагов. Днём она находила убежище в дуплах вековых исполинов, ночью же – неуловимо скользила вслед за торговыми караванами, используя их движение как живую завесу. Сердце Леса, прижатое к её груди, трепетало, то ускоряя свой ритм вблизи людских весей, то замедляясь в затерянных лесных дебрях, будто вторя её собственному дыханию.

Камнеград источал зловоние. Не просто смрад грязи или гнили – город смердел самой жадностью. Каменные громады шпилей, возведённые на костях эльфийских капищ, взмывали к небесам, будто пытаясь вымолить у богов отпущение грехов за содеянное. Но небо было глухо. Лишь беспощадный ветер развеивал скорбный прах Серебряного Леса по узким улицам, безмолвно свидетельствуя: память мира безмерно долгие людского века. На людных площадях базарные торговцы надрывно вещали о «редчайших эльфийских артефактах», выставляя на показ глиняные горшки с фальшивыми письменами. Дети резвились в прятки среди обветшалых руин, не ведая, что под их невинными стопами лежали в прахе мощи древних жрецов.

Элиандра бесшумно скользила по Гнилому переулку, упрятав свои лунные пряди под засаленным башлыком из нечёсаной овечьей шкуры. Её изумрудные глаза, обычно сияющие, как весенняя листва, теперь меркли под налётом копоти и беспредельной утомительности. В её кармане трепетал амулет – «Сердце Леса», как она теперь точно знала. Камень властно влёл её вперёд, к ветхой лавке старого Тобиаса, торговца «забытыми вещами», о котором в тавернах перешёптывались как о последнем, кто ещё помнил подлинную ценность эльфийских реликвий.

Переулок бурлил собственной, порочной жизнью: проворные карманники, чьи пальцы были проворнее мысли, порхали среди толпы; продажные женщины с глазами мёртвых кукол сулили мимолётное утешение за медный грош; наёмники, чьи иззубренные шрамы выдавали безмолвные свидетельства о многих битвах, пили кислое вино и бахвалились кровавыми деяниями. Элиандра ступала среди них подобно призраку – не прячась, но растворяясь, сливаясь с окружающей мглой. Эльфийская грация здесь была верной погибелью; она изображала хромую, сутулую, надрывно кашляющую старуху, её движения казались неуклюжими и корявыми, но в каждом жесте скрывалась готовность к стремительному, смертоносному удару.

Лавка Тобиаса была насквозь пропитана запахами мокрой шерсти, засохшей крови и праха минувших эпох. Полки гнулись под тяжестью диковинных артефактов: черепа, инкрустированные самоцветами, кинжалы, испещрённые древними рунами, свитки в иссохшей пергаменной обёртке. За покосившимся прилавком скрючился старик с одним глазом и тремя пальцами на правой руке – остальных он лишился за фальсификацию царских регалий двадцать лет назад. Его единственный оставшийся глаз был заволочён пеленой, но в его глубине ещё мерцал огонёк тех, кто слишком многое повидал и познал бездну людского падения.

– Что ищешь, крыса? – проворчал он, не поднимая взора от закопчённого сосуда, который продолжал старательно протирать ветошью.

Элиандра безмолвно опустила амулет на покосившийся прилавок. Камень соприкоснулся с древним деревом – и по лавке разлилось неяркое, таинственное сияние. Тобиас застыл. Его

единственный глаз полыхнул ужасом. Он судорожно сглотнул, отшатнулся – и рухнул наземь со стула, отчаянно цепляясь за край столешницы.

– Это... это не может быть здесь, – застонал он, барахтаясь на грязном полу, будто пытаюсь спастись от зловещего присутствия камня. – Его похитили из склепа Аэлии тридцать лет назад! Король предал виселице дюжину эльфов за это, хотя ни один из них не имел ни малейшего отношения к краже!

– Расскажи мне о нём, – произнесла Элиандра, и её голос, обычно замаскированный под старческую хрипотцу, прорезал воздух чистым, хрустальным звоном – неземная эльфийская песнь в этой пропащей обители, звук, от которого пыль на полках заплясала. – И ты останешься жив.

Тобиас медленно поднял голову. В сиянии камня он увидел её глаза, свободные от копоти и усталости. И он постиг.

В этот самый миг дверь лавки с треском распахнулась. На пороге, словно хищные птицы, выросли четверо стражников в тяжёлых плащах, украшенных знаком царской власти – чёрным вороном на кроваво-красном фоне. Их капитан, рослый воин с рубцом, пересекающим подбородок, и тяжёлой золотой серьгой в ухе, оскалился, обнажая зубы с отвратительными золочёными верхушками.

– А вот и наша беглянка. Король возликует. Живой или мёртвой – он не озаботился уточнить.

Элиандра не шелохнулась. Лишь её пальцы инстинктивно обхватили рукоять «Шёпота». Сердце Леса на её груди забилося учащённо, предвещая надвигающуюся угрозу.

– Ты глубоко заблуждаешься, стражник, – голос её прозвучал с ледяным спокойствием. – Это вы угодили в мои сети.

И она швырнула амулет на грязный пол.

Камень вспыхнул нестерпимым оком. Не светом – тьмой. Из него рванулся вихрь, закруживший стражников в безумном водовороте кошмаров: один зрел собственную погибель – меч в груди от руки родного брата; другой – искажённое от горя лицо матери, рыдающей над его детской колыбелью; третий – короля, коленопреклонённого перед пепелищем, скорбящего по утраченному; четвёртый выхватил меч – но клинок рассыпался прахом, словно пережив тысячу лет за одно лишь мгновение, истлевая, пока тлен поглощал сталь на глазах.

Тобиас истошно завопил, прикрывая лицо трясущимися руками, будто боясь зреть грядущие ужасы.

Элиандра подхватила амулет. Он бился мощнее, пылающий как живой уголь. И впервые она услышала его – не словами, а глубинным ощущением, вплетённым в самую её кровь:

«Малкор жаждет меня. Он знает, что ты – разгадка. Иди к Долине Туманов. Там скрывается вторая часть».

Стражники очнулись, забились в дрожи, шепча бессвязные молитвы. Но Элиандра уже испарилась – ускользнула в сумрак между бочками с прокисшим вином и мешками истлевшей муки. Лишь на полу запечатлелся след её ухода: серебряная трава, пробившаяся сквозь камни за одно мгновение, и капля крови, отвергнутая самой травой, оставившая после себя тёмное, зловещее пятно на древнем камне.

Последнее тайное деяние в Гнилом переулке обернулось не банальной кражей. Это было судьбоносное столкновение – с прошлым, с безжалостной правдой, с собственной, неразгаданной судьбой.

Элиандра скользнула из тёмного закоулка в сумрачный двор, где по крышам уже забарабанил дождь. Взгляд её был устремлён на запад, к гряде гор, где, согласно древним преданиям, таилась легендарная Долина Туманов. Зов Сердца Леса властно влёт её туда. И впервые за целое десятилетие она не сопротивилась этому могучему притяжению. Ибо она доподлинно знала: обратный путь отрезан. Оставалось лишь одно направление – вперёд, навстречу ответам или неизбежной гибели.

Глава 3: «Реликвия с взором огнедышащего змея»

Три долгих дня Элиандра неслась вперед без остановки. Не позволяя себе передышки даже у постоянных дворов, где её ждали лишь едкие ухмылки и грубые насмешки в адрес "ушастых"; не омываясь в прохладных речных заводях; не давая себе ни минуты покоя, кроме пары часов тревожного сна под раскидистыми корнями древнего лунодуба. Днём она пробиралась глухими лесными тропами, сторонясь оживлённых дорог, а ночью доверялась мерцающему лунному свету, словно путеводной нити. На груди, под тонкой тканью, пульсировало Сердце Леса – не предостерегая, но указывая путь. Каждый его глухой удар был стрелкой компаса, направленной строго на восток, к величественным Ледяным Шипам. Там, гласили древние предания, обрёл последнее пристанище белоснежный дракон – безмолвный страж вековых тайн.

На исходе третьего, бесконечного дня, с первыми лучами рассвета, она наконец достигла рубежей Серебряного Леса. Древние деревья здесь поредели, их когда-то сияющая серебристая кора потемнела, постепенно уступая место привычному, бурому оттенку. Последний из лунодубов, словно древний часовой, стоял на самой кромке леса, его могучие ветви тянулись к ней, будто беззвучно прощаясь. Элиандра прикоснулась к шершавой коре – и исполинское дерево отозвалось: вспыхнуло мягким, внутренним светом, на мгновение озарив её усталое лицо. Она прошептала древние слова на языке Сильвандрис – горькое прощание с домом, который отныне был потерян для неё навсегда.

«Мор'вен, мой лес...» – едва слышно прошептала она, и ветер подхватил её слова. – «До встречи в песнях Памяти, если нам суждено ещё раз сплести свои судьбы».

Внизу расстилалась Долина Туманов – обширная низина, затянутая плотной серой пеленой, не рассеивавшейся ни под жгучим солнцем, ни в объятиях ночи. Но этот туман был не водяным. Он был соткан из самой Памяти. Каждый её шаг пробуждал фантомы прошлого: смеющихся эльфийских детей, кружащих в танце под луной в давно сгинувшем городе Лунная Песня; шеренги солдат короля с пылающими факелами, наступающих на эльфийские святылища; нежное лицо матери, напевающей колыбельную на языке, который Элиандра, казалось, забыла, но её сердце трепетно хранило каждую ноту.

Она двигалась с предельной осторожностью, выбирая лишь те участки, где пелена тумана была светлее. Старинная эльфийская мудрость гласила: тёмный туман таит в себе горькие, тяжкие воспоминания, светлый – желанные, сладостные. Но даже эти, казалось бы, светлые образы причиняли жгучую боль. Ей виделся ребёнок, гонящийся за светлячками по росистой траве; строгий, но любящий отец, обучающий её искусству метания ножей; нежная мать, вплетаящая лунные цветы в её волосы. Всё это – и многое другое – кануло в Лету в ту страшную ночь кровавой луны, тридцать лет тому назад.

И тогда её взор уловил нечто.

В самом сердце долины, на грубо отёсанном каменном пьедестале, покрытом мхом, образующим загадочный символ Вор'Талоса, покоился Артефакт. Он не был ни камнем, ни металлом – нечто иное, неведомое. Чёрная обсидиановая сфера, величиной с кулак, в недрах которой медленно вращались два кристалла цвета расплавленного золота. Драконьи Глаза. Они

пульсировали, отвечая друг другу, но не в такт – один чуть опережал другой, создавая жутковатую иллюзию живого дыхания.

Элиандра, разумеется, знала древнее предание: когда богиня Луна впервые вдохнула жизнь в леса, могучий дракон Айс-Винг пожертвовал своими глазами, дабы деревья могли видеть даже в кромешной тьме. Его очи, став камнями, были вплетены в корневую систему Серебряного Леса, наделив растения способностью отражать и приумножать лунный свет. Но одно из этих драгоценных око было похищено в незапамятные времена вором-полубогом и превращено в Артефакт Прорицания – сферу, что показывала не предначертанное будущее, но лишь бесконечное множество возможностей.

Она невольно протянула руку. Сердце Леса на её груди забилося учащённо, словно предупреждая об опасности и одновременно маня к ней.

«Не смей прикасаться к нему, эльфийка!»

Голос, прозвучавший из самой гущи тумана, был спокоен, но полон неумолимой твёрдости. Из серой пелены медленно выступила фигура мужчины в плаще, сотканном из шкурок темных лисиц – существ, способных видеть прошлое любого предмета. Его тёмные волосы оттеняла одна серебряная прядь, спускавшаяся от виска до самого плеча; глаза цвета мокрого камня, в глубине которых отражался не внешний свет, а бездонная мудрость и древняя печаль; лицо, казалось, было выточено вечностью и бесконечным одиночеством.

Торвин Теневой Пёс.

«Ты следил за мной», – негромко произнесла Элиандра, уже сжимая в руке кинжал по имени «Шёпот», но не поднимая его для удара. Она чувствовала в этом незнакомце не угрозу, а странное... родство. Что-то в его неуловимом запахе – смесь дыма костра, влажной лесной земли и чего-то отчетливо эльфийского – будоражило её глубинную память.

«Я *нашёл* тебя, – поправил он, и в его голосе сквозила застарелая горечь тех, кто обречён на бесконечные поиски. – Разница, эльфийка, в том, что искать можно целую вечность. А найти... лишь однажды».

Он коротко кивнул на таинственную сферу. «Это не могущественный артефакт. Это – изошрённая ловушка. Любой, кто осмелится прикоснуться к драконьему оку, увидит своё будущее. Но это видение испепеляет разум, оставляя от человека лишь пустую оболочку. За последний месяц трое охотников за головами потеряли рассудок у этого пьедестала. Один из них до сих пор бродит где-то в долине, без конца повторяя собственное имя, словно боится навсегда забыть, кто он».

«Почему ты делишься этим со мной? – спросила Элиандра, не опуская кинжала. – Ты же охотник за головами. А за мою голову назначена баснословная цена».

Торвин усмехнулся – горько, без малейшей тени радости.

«Потому что твоя мать была моей тётей. Аэлия – родная сестра моей матери, Лиранны. Мы с тобой, эльфийка, кровная родня. Хотя ты и хранишь чистейшую кровь Серебрянолистных, а я... я всего лишь позорное клеймо, полукровка, плод запретного союза».

Элиандра замерла, поражённая. Ей никогда не было известно, что у матери была сестра. И уж тем более – что та бежала с человеком, нарушив священные законы клана. В их легендах упоминалась лишь полная гибель эльфов в ночь кровавого ритуала.

«Ложь...» – прошептала она, но голос её заметно дрогнул. – «Мать никогда не упоминала о сестре».

«Потому что Лиранна была изгнана, – спокойно, но с невыразимой болью ответил Торвин. – Она полюбила человека – моего отца, следопыта на службе короля. Когда клан узнал о её связи, её лишили имени и даже воспоминаний. Но до изгнания она успела произвести на свет меня. Мать прятала меня, растила в глубокой тайне, вдали от мира, в горах, пока десять лет назад её не сразила лихорадка. Перед самой смертью она оставила этот шрам...»

Он простёр руку. На его запястье, словно тайная печать, отчетливо виднелся шрам в форме ущербного месяца – древнее клеймо клана Серебрянолистных, что украшало кожу лишь жрецов и их прямых кровных потомков.

– Она велела: «Коль встретишь её дочь – покажи ей это. Она всё постигнет».

Сердце Леса, покоившееся на груди Элиандры, отозвалось нежным теплом, почти что жгучей болью. Древний камень узнал зов крови. В тот миг Элиандра ощутила, как нечто внутри неё – незыблемая стена, что возводилась ею долгих десять лет – внезапно дало трещину.

В это мгновение, словно по велению чьей-то злой воли, окружающий туман сгустился, обратившись в плотную завесу. Из его молочной мглы безмолвно выступили шестеро фигур, облачённых в мрачные чёрные плащи. На груди каждого красовался геральдический символ распаханного свитка: эмблема Академии Магии. В их руках покоились посохи, искусно выточенные из кости, увенчанные мерцающими фиолетовыми кристаллами. Малкор прислал своих адептов.

– Прочь, полукровка! – прошипел один из них, вскидывая костяной посох. Голос его разил, словно осколки разбитого хрусталя. – Древний артефакт по праву принадлежит нашему господину. Ты недостойн даже прикоснуться к его сиянию.

Торвин не сдвинулся ни на йоту. Его пальцы, словно хищная тень, сомкнулись на рукояти кинжала, что покоился у пояса.

– Она не уступит его добровольно. И вы не исторгнете его насильно.

– Тогда оба падёте.

Костяной посох вспыхнул ядовито-фиолетовым огнём. Заклинание «Арифметика боли» бесшумной, незримой волной ринулось к Элиандре, готовое исторгнуть из её души память о матери – самое сакральное сокровище, что у неё ещё оставалось.

Но Торвин оказался проворнее.

Он рассыпал в воздух мерцающую горсть серебристой пылицы – мельчайшие, растертые в прах листья лунодуба, которые он хранил в крохотном кожаном мешочке на шее. Пыль запыляла в свечении колдовства, создавая мерцающее зеркало. Боль, предназначенная Элиан-

дре, обратилась к магу, усиленная втрое. Тот исторгнул вопль, полный отчаяния, и рухнул на колени, сжимая виски. Из глаз его потекли кровавые слёзы.

– Беги! – гаркнул Торвин Элиандре, отбивая выпад второго мага своим кинжалом. – Я задержу их натиск!

– Но почему ты помогаешь мне?! – воскликнула Элиандра, пятилась к пьедесталу, где покоился артефакт.

– Потому что я жажду понять, почему она предпочла забвение, нежели жизнь рядом со мной! – голос его сорвался на надрывный хрип. – Почему моя мать избрала одинокую гибель, вместо того чтобы вернуться в лоно клана? Ответ кроется в этом артефакте. И в тебе самой.

Элиандра замерла на одно-единственное мгновение – краткий миг, разделявший первобытный страх и прорастающее доверие. Затем она резко схватила мерцающую сферу.

Мир вокруг неё раскололся. Не жгучей болью, но всепоглощающим знанием. Она увидела:

Кайран, рушащийся на колени перед ней, с клинком, пронзившим грудь, в его единственном глазу тускло мерцало раскаяние.

Малкор, приносящий в жертву свою юную ипостась у древнего алтаря в Пустошах, и его старая сторона лица, что в последний миг расцвела девственной юностью.

Себя – стоящую перед Вор'Талосом, протягивающую длань не для боя, но для примиряющего рукопожатия.

И выбор, что разверзся перед ней: клеймо рабства или истинная свобода, окончательная гибель или хрупкий баланс.

Видение рассеялось, как сон, оставив после себя лишь отголоски образов. Элиандра осталась стоять на коленях, крепко сжимая в ладонях сферу. Драконьи очи артефакта погасли – один, навсегда, обратившись в матовый, безжизненный камень. Второй же мерцал слабо, едва уловимо, отражая её потрясённое лицо.

Торвин простёрся среди поверженных тел магов. Его плащ был истерзан, на щеке зияла глубокая, кровоточащая рана, но он дышал, тяжело и прерывисто.

Элиандра подошла ближе, опустилась на колени рядом с ним, нежно прикоснулась к его ране. Алая капля её крови упала на кожу – и рана мгновенно начала затягиваться, оставляя на коже лишь едва заметный, тонкий след.

– Что ты увидела? – выдавил из себя Торвин хриплым шепотом.

– Будущее, где моя жизнь не обрывается.

– Это... хорошо?

Она взглянула на сферу. Один глаз дракона был мёртв, второй же отражал её собственный взгляд.

– Я не знаю. Но отныне мне известен путь. И я знаю, что ты – не противник.

Она аккуратно вложила уцелевший глаз дракона в потайной карман – рядом с Сердцем Леса. Два из семи фрагментов древней печати были собраны. Ещё пять ждали впереди. Торвин поднялся на ноги, опираясь на её плечо.

– Куда теперь наш путь? – спросил он.

– На запад. К старинному Королевскому тракту. Там я найду отголоски правды, хранимые теми, кто ведал истину о Великой Битве у Кровавого Ручья.

Торвин медленно кивнул. В его глубоких глазах, подобным влажному камню, впервые блеснул слабый проблеск надежды.

– Я пойду с тобой. Не как охотник. Как... родственная душа.

Элиандра не проронила ни слова. Но когда они тронулись в путь, её походка стала чуть невесомее. Впервые за десять лет она шла не в одиночестве. А в тумане за их спинами, едва они скрылись из виду, донёсся смех – леденящий, словно бездушная формула, смех, рождённый не устами, а расчётами. Малкор наблюдал. И выжидал своего звёздного часа.

Глава 4: «Гончий в покрове из чёрных вороньих перьев»

Проливные дожди хлестали землю на протяжении трёх суток. Но это был не обычный, земной ливень; это был дождь эльфийский. Каждая серебряная слеза небес, словно ведомая беззвучной симфонией, ронялась на мир, отражая в себе не сияние небес, а сокровенную память тех мест, куда она ниспадала. На мхастых валунах проступали тени минувших эпох: надежды и тревоги древних зодчих. На изумрудной листве шелестел шёпот давних ветров, принёсших вести из отдалённых владений. А на коже Элиандры ощущались леденящие прикосновения – будто скорбные слёзы матери, пролитые в ту роковую ночь ритуала.

Элиандра ступала по старинному Королевскому тракту, мастерски маскируясь под простую крестьянку, несущую лукошко с дарами леса: грибами и ягодами. Под небрежно накинутой грубой тканью её рубахи скрывались два артефакта – Сердце Леса и Глаз Дракона. Их тяжесть была не в материальной массе, а в непомерном значении. Торвин бесшумно скользил впереди, зорко осматривая путь. Его плащ, сшитый из шкур загадочных теневых лисиц, почти полностью растворялся в густой чаще по краям дороги. Их общение было скупым, лишь обрывки жизненно важных фраз: «Путь чист», «Угроза слева», «Впереди источник». Но между ними установилось молчание, которое уже не ощущалось враждебным. Скорее, оно стало... сносным. Подобно вынужденному союзу двух хищников, временно объединившихся для общей охоты.

На исходе третьих суток, с первыми лучами рассвета, Торвин замер у искрящегося ручья. – Я покидаю тебя, – произнёс он, не устаивая её взглядом. – Мой путь лежит на юг, к легендарной Башне Обратного Времени. Там, как я полагаю, хранятся летописи моей матери. Быть может, именно там я отыщу желанные разгадки.

Элиандра лишь молчаливо кивнула. Она прекрасно осознавала непреложную истину: каждый обречён следовать собственной тропой. Даже те, кто связан кровными узами.

– Ежели повстречаешь Малкора... – начала было она.

– Я не стану вступать с ним в поединок, – оборвал её Торвин. – Я лишь задам ему единственный вопрос. И незамедлительно покину это место. Клянусь.

Он удалился, не обмолвившись ни единым прощальным словом, оставив после себя лишь еле заметную тропу из примятых веток, уводящую к южным пределам. «Он гонится за истинами в местах, где их, вероятно, вовсе не существует», – промелькнула мысль в сознании Элиандры. Однако она не чувствовала в себе права осуждать его. Ведь и сама она искала подобное – неуловимую правду о своей матери, о своём древнем клане и о судьбоносном выборе, что предопределил закат Серебрянолистых.

На исходе четвёртого дня небесная влага наконец иссякла. Сквозь рваные облака пробилось ликующее солнце, нечастый визитёр в этих сумрачных землях. Его лучи окрасили влажные камни тракта в мерцающее золото. Именно тогда её взгляд уловил его силуэт.

На вершине пологого холма, где извивались две дороги – одна к могучему Камнеграду, другая к таинственному Серебряному Лесу – возвышалась фигура человека в броне цвета остывшего уголя. Его плащ, сотканный из бесчисленных вороньих перьев, трепетал на пронзительном ветру. Каждое перо хранил в себе вырезанную руну веры, что уже потускнела от долгих лет и застывшей крови. На его плече покоился щит, украшенный чеканным гербом:

меч, безжалостно пронзающий расколотую луну. Орден Белого Пламени. Изгнанник. Кайран Безымянный.

Он не издавал боевых кличей, не обнажал клинка. Он лишь неподвижно стоял, устремив на неё единственный уцелевший глаз – правый, синий, словно бескрайнее зимнее небо над суровыми Ледяными Шипами. Левая глазница была скрыта под рваным шрамом, глубоким и древним, но Элиандра безошибочно ощущала: под этой изуродованной плотью скрывалась не пустота. Там обитала тень – жуткое эхо того, что он узрел и не сумел стереть из памяти.

– Элиандра Ветрокрад, – прозвучало из его уст. Голос его напоминал скрежет камня по камню – лишённый всяких эмоций, но отягощённый невыносимой ношей вины. – Дочь Аэлии, верховной жрицы Вор'Талоса. Последняя наследница Серебрянолистных.

Она мгновенно оцепенела. Её ладонь сама собой метнулась к рукояти «Шёпота», но кинжал так и остался в ножнах. В его глухом голосе не прозвучало и тени ненависти – лишь глубокая, всепоглощающая усталость.

– Ты ведаешь моё имя. Стало быть, ты не заурядный охотник за головами.

– Я не охотник, – парировал Кайран. – Я каратель. И явился сюда не по твою душу. А за ним.

Он едва заметно кивнул, указывая на её грудь – туда, где покоился зловещий амулет.

– Сердце Леса не является твоим законным трофеем. Оно – незаживающая рана на теле мироздания. Каждый его пульс – это ещё один шаг к неминуемому пробуждению тёмного божества. Я лицезрел последствия, когда печать истончается. В злополучной деревне у Кровавого Ручья. Малютки обращались в камень прямо на глазах у своих безутешных матерей. Земля разверзалась, поглощая жилища. Это не колдовство – это чума, разъедающая саму ткань реальности.

– Бога Равновесия, – поправила его Элиандра, её голос был твёрд. – Вор'Талос – это не воплощение тьмы. Он – первостепенная необходимость. Ты служил Священному Ордену. Тебе ли не ведать различий между крошечной мглой и всеобщим равновесием?

Черты Кайрана исказились. Не яростью, а глубокой, застарелой болью, столь же древней, как и рубцы на его изрезанном лице.

– Я постиг эту разницу в день Кровавой Бойни у Ручья. Когда эльфийские воины безжалостно истребили сотни крестьян, дабы пресечь некий ритуал. Я видел их лица – лики детей, женщин... Их истерзанные души звали ко мне во снах на протяжении десятилетия. Каждую ночь мне является образ рыжеволосого мальчишки, который тянул ко мне иссохшую ручонку, моля о спасении от летящих эльфийских стрел.

– Тот ритуал проводили люди, – едва слышно произнесла Элиандра. – Чернокнижники из тайной Академии. Они призвали демонов, чтобы стереть деревню с лица земли и обратить души жителей в топливо для усиления Копья Раздора. Эльфы явились туда не как палачи – но как избавители. Они принесли себя в жертву, дабы прервать это чудовищное действие. Ты узрел лишь финальный аккорд. Не истоки.

Кайран застыл, словно изваяние. Его длань едва заметно вздрогнула на истёртой рукояти меча. В его единственном глазу вспыхнуло мгновенное колебание – первая, едва различимая трещина в нерушимой десятилетней убеждённости.

– Ложь. Пропаганда эльфов. Король показывал нам доказательства...

– Спроси у Торвина, – резко прервала его Элиандра. – У следопыта в плаще из шкур теневого лисиц. Его мать была там. Она была свидетельницей всего произошедшего. И она – эльфийка. Разве эльфийка способна лгать о спасении человеческих жизней?

Упоминание имени полукровки ударило Кайрана острее стального клинка. Он невольно попятился – и лишь тогда Элиандра впервые различила: на его жилистой шее, скрытое под воротником тяжелых доспехов, мерцало кольцо из эбенового дерева с крошечной каплей запекшейся крови в сердцевине. Кольцо Клятвы. Шестой фрагмент древней печати.

– Ты носишь часть великой печати, – промолвила она с тихой нежностью. – Ты хранишь равновесие мироздания, сам того не ведая. Это кольцо не проклятие. Оно – завет. Завет твоего отца, познавшего истину.

– Я ношу проклятие! – выдохнул Кайран, и его голос взорвался отчаянием. – С тех пор как мой отряд сгинул в бездне, это кольцо палит мою плоть каждую ночь. Оно шепчет мне голосами моих мертвых братьев! Оно являет мне их лики, застывшие в предсмертных муках!

Он выхватил меч. Сталь откликнулась – не звоном металла, но абсолютной, жуткой тишиной. Клинок Ордена был выкован из черного камня, похищенного из глубин Храма Дышащих Стен. Он не отражал света. Он поглощал его без остатка, превращаясь в воплощение непроглядной тьмы.

– Отдай священный артефакт, эльфийка. И я дарю тебе быструю кончину. Милосердную.

Элиандра не ответила. Вместо этого она сделала шаг вперед – прямо под грозное острие меча. Ее сердце колотилось так оглушительно, что, казалось, Кайран должен был слышать каждый его удар.

– Убей меня, – твердо произнесла она. – Но знай: если я паду, когда Сердце Леса лежит на моей груди, печать расколется окончательно. Вор'Талос пробудится не через долгие годы – через считанные часы. И первыми обратятся в прах города людей. Твой король. Твоя непоколебимая вера. Всё, что ты оберегал, рассыплется в пепел не от эльфийских стрел, а от всепоглощающего хаоса, который ты сам выпустишь на свободу.

Кайран замер, словно статуя. Его меч дрогнул в руке. В его единственном глазу бушевала незримая борьба – десятилетняя преданность догмам Ордена против новой, хрупкой правды, что пробивалась сквозь толщу лжи.

– Ты блефуешь, – прозвучало сомнением.

– Проверь сам.

Она распахнула рубаху. Сердце Леса покоилось на ее коже – трепещущий черный камень с багровыми венами, словно живой орган. Но Кайран увидел не просто камень. Он увидел отражение в нем – не свое суровое лицо, а лик дитя из деревни у Кровавого Ручья. Мальчика с копной огненных волос, который протягивал к нему свою детскую ладонь. И в этом зыбком отражении мальчик улыбался ему – не гримасой предсмертной муки, но чистой, незамутненной благодарностью.

Меч опустил. Клинок коснулся земли, и трава под ним мгновенно покрылась ослепительно белыми цветами – первым дыханием жизни после десятилетнего бесплодия.

– Почему ты не бежишь? – прошептал он, голос его был надломлен. – Почему даруешь мне этот шанс?

– Потому что ты не враг. Ты – потерянный страж. Как и я. Мы оба оберегаем то, во что истово верим. Разница лишь в том, что ты верил в обман, а я – в истину. Но правда требует мужества, чтобы ее принять.

В этот самый миг с холма показались трое королевских стражников. Их капитан, дородный мужчина с массивной золотой цепью на шее и мясистым лицом, ухмыльнулся, обнажая золотые зубы:

– Смотрите-ка! Рыцарь-отступник и эльфийская тварь в объятиях! Король щедро заплатит за ваши головы. Особенно за твою, Кайран. Он всё еще лелеет надежду, что ты вернешься в Орден.

Кайран медленно повернулся. Его плащ из вороньих перьев распахнулся – и вороны ожили. Перья взмыли в воздух, закружив смертоносным вихрем вокруг стражников, выклеывая глаза, раздирая щеки. Это была не магия в обычном понимании – это был древний ритуал Ордена: перья, освященные кровью павших рыцарей, хранили память о врагах веры и самоотверженно защищали своего хозяина.

– Беги! – бросил Кайран Элиандре через плечо, отбивая удар меча стражника своим клинком. – Я задержу их!

– Почему?! – вскричала она, уже отступая к спасительной чаще леса.

Он обернулся. В его единственном глазу пылала не привычная ненависть – но глубокое, горькое раскаяние. И что-то еще, совсем новое – робкий луч надежды.

– Потому что ты права. Я видел лишь конец. Не начало. И я устал носить ложь, как ржавые доспехи.

Элиандра кивнула. И растворилась в лесу, ее серебристые волосы слились с изумрудной листвой.

Но прежде чем исчезнуть без следа, она бросила ему последнюю фразу – на языке Сильвандрис, который он не понимал, но кольцо на его шее отозвалось необъяснимым теплом:

– Мор'вен каэль'тира, Кайран. Талос вен'элиандр.
(«Прощай, кровь предков. Разрыв зовёт звезду».)

Кайран не постиг смысла этих слов. Но его кольцо вспыхнуло теплом – и впервые за долгие десять лет перестало обжигать его плоть. Он сразил троих стражников не из лютой ненависти, а по жестокой необходимости. И когда последний из них пал, Кайран поднял взгляд на запад – туда, куда скрылась Элиандра. Его судьба сделала резкий поворот. И Кайран Безымянный знал: рано или поздно их стези неизбежно пересекутся. Ибо выбор Элиандры отзовется

эхом во всех мирах – эльфов, людей, богов. И ему предстояло сделать свой окончательный выбор, стоя рядом с ней.

Глава 5: «Стремительный исход сквозь Плачущие Топи»

Элиандра шагала уже три дня с момента расставания с Кайраном. Лесные чащи сменились пологими холмами, а те, в свою очередь, уступили место низинам, где воздух делался влажным и удушающе тяжёлым. На исходе четвёртого дня перед ней распахнулись Чёрные Болота Стенаний – безбрежное переплетение тёмных вод, разлагающихся древесных стволов и плотного тумана, не желавшего рассеиваться даже под самыми яркими солнечными лучами. Этим путём брезговали даже самые отъявленные контрабандисты. Однако Элиандра не могла себе позволить передвигаться по Королевскому тракту: гвардейцы монарха уже располагали подробным описанием её внешности. Топкие трясины таили в себе множество угроз, но всё же представлялись меньшим злом, нежели тропа, патрулируемая вооружёнными людьми.

Пелена над болотами вовсе не была обычным туманом.

Элиандра осознала это, лишь только ступив на зыбкую трясину по еле заметной тропке, сплетённой из корней вековых деревьев. Воздух здесь не казался просто влажным – он был голосовым. Каждый вдох наполнял лёгкие шёпотом, но не единичным, а множественным. Десятки. Сотни голосов. Голоса накладывались один на другой, сливаясь в неистовый хор безумия, где каждая интонация пророчила чей-то возможный конец:

«Ты утонешь здесь через три дня...»

«Меч пронзит твоё сердце в полдень...»

«Ты умрёшь от смеха, узнав правду...»

«Он предаст тебя у алтаря...»

«Ты сама выберешь смерть...»

Это были Мор'тал – призраки болот. Не просто отражения, а предвестники будущих кончин, навечно скованные в топях после великого катаклизма Вор'Талоса, когда грань между миром возможного и реального сделалась столь зыбкой, что стала почти неощутимой. Они не являлись духами покойных – скорее, отголосками того, что лишь могло произойти. И каждый, кто отваживался пройти здесь, слышал исключительно свои собственные, потенциальные финалы.

Элиандра продвигалась вперёд, предельно осторожно ступая и нащупывая палкой каждый участок тропы. Сердце Леса, покоившееся на её груди, пульсировало – не столько предупреждая, сколько неумолимо отсчитывая мгновения. Каждый удар – это шаг, приближающий её к заветной цели: Песочным Часам Судьбы. По преданиям, шептанным амулетом в её сновидениях, Старая Мэгги оберегала их на Острове Безмолвия, в самом средоточии болот.

Первый дух предстал перед ней в облике туманной фигуры с пустыми глазницами, еле угадываемой сквозь серую пелену. Он протянул руку и коснулся её плеча. Касание было пронизывающим холодом, точно ледяная вода.

«Смерть первая», – прошелестел голос, похожий на шорох увядающих листьев. – Ты утонешь здесь. Через три дня. Вода заполнит лёгкие. Ты будешь цепляться за корни, но они предадут тебя, обратившись в тину. Последнее, что ты увидишь – луну, отражённую в чёрной воде. И ты поймёшь: это была не случайность. Это был выбор.

Наваждение обрушилось на неё подобно мощному удару в грудь. Элиандра пошатнулась, и нога её провалилась в топкую тину по самое колено. Вода была леденящей, липкой, цепляющейся за кожу, словно скрюченные пальцы утопленника. Она резко выдернула ногу – но на коже остался багровый след: кровоподтёк в форме призрачной ладони, который не исчезал, а нестерпимо пульсировал в такт с биением её сердца.

Второй призрак подкрался незаметно со спины, в тот момент, когда она осторожно пересекала гниющий ствол поваленного дерева. Его голос звучал тише прежнего, почти ласково:

«Смерть вторая. Меч Кайрана. Он поверит королю. Пронзит тебя в спину у Башни Обратного Времени, когда ты будешь беззащитна. Ты упадёшь на камни. Твои последние слова: „Почему?“ Он не ответит. Он будет плакать, но не остановится. Потому что вера сильнее раскаения».

Элиандра резко обернулась, но призрака уже не было. Лишь её собственное искажённое отражение в луже чёрной воды: с мечом, торчащим из груди, и лицом, омрачённым глубокой болью предательства. Она отшатнулась назад и едва не рухнула в глубокую трясиину, в последний момент успев ухватиться за извивающийся корень.

Третий дух оказался гораздо коварнее. Он принял облик её матери.

Аэлия стояла на небольшой кочке всего в десяти шагах, облачённая в белые жреческие одеяния, а её серебристые волосы мерцали в тумане, подобно лунному свету. Лицо её было именно таким, каким Элиандра помнила его с далёкого детства – нежным, излучающим безграничную любовь.

– Дочь моя, – произнесла она голосом, пробудившим самые потаённые воспоминания Элиандры, тем самым голосом, что она слышала в своих снах на протяжении десяти лет. – Остановись. Это дорога к неминуемой гибели. Вернись в Серебряный Лес. Спрячься среди древних руин. Просто живи. Забудь о печати, забудь о Вор'Талосе. Ты не обязана нести эту тяжкую ношу. Ты – дитя. Пусть мир пылает. Ты заслужила умиротворение.

Элиандра замерла на месте. Её сердце сжалось до такой степени, что перехватило дыхание. Долгие десять лет она тосковала по этому голосу. Долгие десять лет она существовала ради этого мига – не ради мести, а ради воссоединения.

– Мама...? – прошептала она, и её голос дрогнул, выдавая детскую растерянность.

– Да, дитя моё. Я вернулась. Вор'Талос даровал мне лишь краткий миг свободы. Но лишь краткий. Избери жизнь. Не совершай мою ошибку. Я отдала себя миру без остатка – и мир совершенно забыл меня за эти десять лет. Не будь глупышкой, дочь. Подумай о себе.

Элиандра шагнула вперёд. Затем сделала ещё один шаг. Её рука потянулась к матери, а пальцы мелко дрожали от волнения.

И тут она заметила: отражение Аэлии в воде совершенно не соответствовало её облику. В водной глади стоял тот самый дух с пустыми глазницами, а не знакомое лицо её матери. В этом диссонансе и таилась горькая правда – призрак использовал её глубочайшую боль в качестве приманки.

– Ты не она, – прошептала Элиандра, и в её голосе теперь не было ни тени боли – лишь кристальная ясность. – Моя мать никогда не посоветовала бы мне избрать только себя. Она сказала бы: «Избери равновесие».

Фигура матери растворилась в тумане. Из ниоткуда вырвался хохот – не злобный, а скорее горестный, словно сам дух сокрушался о потерянной иллюзии.

Третья смерть была от надежды. Ты поддашься обману, поверишь лжи, потому что в глубине души жаждешь верить. Это самая сладостная погибель, но и самая безжалостная, ибо ты сама вручишь ей свой клинок.

Четвёртый, пятый и шестой призраки представили ей иные варианты конца: от яда Малкора, подмешанного в бокал вина; от вероломства Торвина, который продаст её монарху в обмен на сведения о его матери; или от собственной магии, обратившейся против неё, когда она попытается одновременно использовать все три потока силы.

Седьмой дух был, однако, совершенно другим. Он не предвещал кончины, но явил ей жизнь.

«Не смерть, – прошелестел голос, подобный шепоту ветра в листве лунодуба. – Это выбор. Ты станешь Тёмной Хранительницей, мостом между светом и мраком. Ты не погибнешь у алтаря. Ты протянешь руку божеству – и оно примет её. Мир не будет уничтожен, он преобразится. Люди и эльфы вновь научатся сосуществовать. Но плата за это: ты никогда не будешь полностью ни человеком, ни эльфом. Ты станешь воплощением равновесия. Навечно».

В видении Элиандра стояла в Забытых Пустошах Имён. Перед ней клубился вихрь из света и тьмы, в котором зарождалась и исчезала реальность. Она протянула руку. Вихрь принял её облик – и стал человеком. Богом. Другом. И в его взоре читался не хаос, а глубокое понимание.

– Это ложь, – произнесла Элиандра духу, но её голос дрогнул. – Никто не может заключить договор с богом.

«Не с богом, – ответил призрак. – А с равновесием. Вор'Талос не стремится истребить мир. Он желает, чтобы мир вновь обрёл способность дышать. Ты – не жертва. Ты – ключ. А ключ не ломается. Он открывает».

Восьмой дух был последним. Он молчал. Просто стоял и взирал на неё пустыми глазницами. В этой безмолвной стати Элиандра постигла истину, которую несли все семь предыдущих видений: все семь смертей – возможны. Но и жизнь – также возможна. Выбор остаётся за ней. Не судьба. Не проклятие. Выбор.

Она прошла сквозь духа. Туман рассеялся, словно занавес перед кульминационной сценой.

Перед ней раскинулся Остров Безмолвия – небольшой участок суши с одинокой хижинкой, сплетённой из тростника и ивовых прутьев. На крыльце сидела старуха, чьё лицо было изрезано морщинами, словно кора древнего дерева. В руках она держала Песочные Часы Судьбы – артефакт из чёрного камня, где песок, состоящий из измельчённых костей жрецов Вор'Талоса, тёк вверх, бросая вызов всем законам мироздания.

Старая Мэгги.

– Ты преодолела болота, – сказала она без тени удивления, её голос был тих, но чётко, как звон серебряного колокольчика. – Немногие выживают после семи столкновений со смертью. Большинство теряют рассудок уже после третьей. Ты сильна, дитя Аэлии.

– Я видела восемь, – ответила Элиандра, приближаясь. Её ноги подкашивались от изнеможения, но спина оставалась прямой.

Мэгги улыбнулась. В её улыбке не было зубов – лишь мрак и мудрость тех, кто слишком долго вглядывался в бездну.

– Восьмая – не смерть. Восьмая – надежда. А надежда опаснее самой смерти. Она вынуждает нас совершать выбор. Смерть – это окончание пути. Надежда же – это ответственность за каждый шаг.

Она протянула часы. Песок внутри мерцал, словно звёздная пыль.

– Возьми. Но знай: когда песок прекратит движение, тебе предстоит сделать решающий выбор. Не ради себя. Ради всего мира. И этот выбор будет не между добром и злом. А между двумя видами добра. Или двумя видами зла. В этом и заключается баланс.

Элиандра взяла часы. Они были тёплыми на ощупь, как живое существо. Песок продолжал течь вверх – и с каждым его зерном Элиандра ощущала, как сжимается время. Финал был близок. Не месяцы. Не недели. Дни.

Позади неё болота умолкли. Духи исчезли, их голоса растворились в тумане.

Но их пророчества остались в её памяти – семь смертей и одна жизнь. И она осознавала: каждая из них станет явью, если она совершит неверный выбор. Но впервые за десять лет Элиандра не страшилась выбора. Она опасалась лишь одного – сделать его в полном одиночестве.

Она взглянула на запад, за пределы болот. Там, в мире людей и эльфов, разгорались свои битвы. Кайран сражался со стражами. Торвин искал ответы в башне. Малкор рассчитывал формулы пробуждения. И все они, не ведая того, направлялись к одному месту – к Забытым Пустошам Имён, где ждал алтарь и неизбежный выбор.

Элиандра крепче сжала часы в руке. Песок продолжал свой восходящий поток. И она пошла вперёд – не как воровка, не как эльфийка, не как дочь Аэлии. Она шла как Элиандраэль – звезда, сошедшая с небес, чтобы стать связующим звеном между мирами.

II. Зов Крови: Эхо Давних Времён

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.